

Речь шла не о простом туристическом визите, а о вхождении в лондонское высшее общество. Внешний образ английской аристократии всегда был консервативным и чопорным — и это не пустые слова. Консерватизм подразумевает замкнутость, и провинциальным дворянам пробиться в элитные круги было не легче, чем местным простолюдинам.

Из-за того, что слишком многие аристократы стремились в Лондон, в истории Англии даже был королевский указ, прямо запрещающий мелкопоместным дворянам из провинций участвовать в столичном светском сезоне. Путь в Лондон стал подобен путёвке в рай — вот вам реальная история.

Используя это как приманку, Август был уверен, что поднимет бурю, что, в свою очередь, сильно помогло бы развитию его владений и пополнению армии Чёрного Принца.

Раньше Август до такого бы точно не додумался — по крайней мере, не стал бы изъясняться столь витиевато.

Но теперь научился. Чья заслуга?

Рафаэля.

Старый управляющий вынужден был признать, что ошибался насчёт Рафаэля. Тот вовсе не был человеком ограниченных взглядов, плохим воспитателем или кем-то, кто строит козни его светлости. Напротив, Рафаэль оказался прекрасным наставником и искренне желал Августу добра.

Старый управляющий со всей серьёзностью выразил Рафаэлю свою благодарность.

Но на том всё и закончилось. Этот мягкий, подобный весеннему дождю подход был хорош, но не подходил для их высокородного господина. В конце концов, их герцогу надлежало изучать пути властвования, учиться отдавать приказы с непоколебимой уверенностью... в общем, совсем не то, чему учил Рафаэль. Да и незаслуженная любезность всегда таит в себе подвох. До этого Рафаэль и Август не пересекались, и такое внезапное участие заставляло старого управляющего подозревать недоброе. Он чувствовал лёгкое беспокойство.

С помощью старого управляющего план Августа держаться от Рафаэля подальше стал осуществляться ещё успешнее — настолько, что Август начал всерьёз задумываться, не пора ли приступить ко второму этапу.

Да, именно ко второму.

Причина, по которой Август так отчаянно старался порвать с собой прежним, не оставив Рафаэлю ни малейшего повода для подозрений, заключалась в том...

... что после этого он хотел быть к Рафаэлю добрым.

Он хотел загладить свою былую невежественную язвительность. Тогда он и вправду считал Рафаэля просто страдающим от надуманных проблем подростком, поэтому и говорил так резко. Но теперь, узнав о реальном положении Рафаэля, он не мог не испытывать желания как-то возместить ущерб.

После смерти матери в прошлой жизни Августу казалось, будто весь мир рухнул. В бесчисленных ночных кошмарах он жаждал, чтобы какой-нибудь старший пришёл ему на помощь. Пусть даже не помощь — достаточно было бы простых слов утешения: «Не бойся, я с

тобой». Увы, сколько он ни ждал, пока сам не закалился в горниле жизни и не пришёл к выводу, что в мире уже не осталось ничего, способного его сломить, — он так и не дождался своего «дядюшки с длинными ногами».

А когда ему самому выпал шанс стать для кого-то таким «дядюшкой», он отказал — и сделал это самым жестоким образом.

Хотя сейчас, казалось бы, Рафаэль не только не страдал, но, благодаря собственной стойкости, преуспевал и в девятнадцать лет уже стал незаменимым советником короля.

Но... Август всё равно хотел что-то сделать.

Не нужно, чтобы Рафаэль об этом знал. Это не было связано с тем, насколько Рафаэль соответствовал его идеалу. Он просто хотел быть к нему добрее. Как можно добрее.

Чтобы избежать неловкости, если всё раскроется, Августу и нужно было так тщательно готовиться на первом этапе, стараясь не оставить Рафаэлю ни единой возможности связать его с его прошлым «я».

Подозрение — семя дьявола. Даже единожды упав в сердце, оно может пустить корни.

Август не мог так рисковать. Если бы Рафаэль обнаружил его доброту, он хотел бы, чтобы тот воспринял её как чистую, лишённую всякой примеси доброту от члена семьи — просто потому, что он есть. Не из чувства вины. Не из-за прошлого.

Неважно, сумасшедший ли Рафаэль или собирается ли он уничтожить мир. Пока ничего не произошло, он заслуживает безусловной доброты. Как, впрочем, и каждый.

****Примечание автора:****

Чувства, которые испытывает главный герой к Рафаэлю, весьма сложны. С одной стороны, он его побаивается — что естественно для любого, кто столкнулся со скрытым психопатом. С другой — он хочет тайно делать ему добро, без всяких задних мыслей, просто проецируя на Рафаэля свои несбывшиеся надежды. Короче говоря, даже если Рафаэль больше в этом не нуждается, Август всё равно хочет быть для него «дядюшкой с длинными ногами»... ну, или, учитывая реальное положение дел, коротконогим племянником.

Август хотел бы быть для Рафаэля «дядюшкой с длинными ногами», но, учитывая обстоятельства, мог быть разве что коротконогим племянником — да и то не самым удачливым.

С какого-то момента, находясь в замке, Рафаэль стал ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. Всякий раз, когда он в одиночестве шёл по длинному коридору, устланному персидскими коврами, раздавались шаги — вторые, помимо его собственных. Но стоило Рафаэлю резко обернуться, как взору представала лишь пустота, нарушаемая разве что картинами на стенах да рыцарскими доспехами, служившими украшением.

Бесконечный коридор старинного замка, готические остроконечные линии, трепещущий в полумраке свет факелов в стенных светильниках... Рафаэль не мог отделаться от возникавшего в воображении образа одинокой детской фигуры.

Даже среди роскоши, в окружении сотен слуг, тот ребёнок был одинок, словно стоял нагишом под безбрежным небосводом, — настолько одинок, что, казалось, даже сердце его утратило

тепло.

Внезапно из глубин памяти поднялся суровый, но исполненный заботы голос. Каким он был? Трудно описать. Он нёсся, словно ураган, но касался самых глубин души. Он произнёс: «Ха...»

Воспоминание оборвалось из-за шороха, донёсшегося из-за начищенных до зеркального блеска доспехов. Не успевший скрыться край плаща был слишком заметен. Белая меховая оторочка, багряный бархат и узнаваемый золотой узор в виде геральдической лилии — символа французской королевской семьи. Лилия, что уже более десяти лет олицетворяла амбиции его старшего брата Вильгельма. Тот жаждал отомстить за жену, вернуть матери её родину, загладить вину перед сыном... У него было столько устремлений, что на чувство одиночества просто не оставалось времени.

Выждав немного и притворившись, что рассматривает настенную живопись, Рафаэль наблюдал, как тот самый край плаща потихоньку, сантиметр за сантиметром, скрывается за массивными рыцарскими латами. Словно рыжая белка, набившая щёки орехами: она до смерти боится людей, но, завидев их, лишь глупо жуёт ещё быстрее.

Лёгкий кашель скрыл невольную улыбку, тронувшую губы Рафаэля.

Эти «полтергейст-явления» были лишь началом.

Однажды Рафаэль задержался допоздна, а на обратном пути разыгралась метель. Снег валил хлопьями — первая за сто лет для обычно мягкой бристольской зимы. Никто не был к этому готов, включая самого Рафаэля. Карета буквально вязла, и, промучившись всю ночь, он добрался до замка уже на рассвете, когда небо начало светлеть и окрасилось в белесый цвет. Проходя через холл, он увидел, что в камине ещё пылает огонь, а камердинер Августа делает вид, будто в зале кроме него никого нет.

— Граф, — безупречно поклонился камердинер.

Рафаэль даже не взглянул на него, лишь скользнул взором по тяжёлым портьерам, за которыми угадывалась человеческая фигура, и по фарфоровой чашке с остатками тёплого молока на столике рядом с высоким креслом. Но важнее всего была подушка с серебряной бахромой — при касании она всё ещё хранила тепло. На зелёной ткани подушки была вышита забавная белая змейка, завязавшаяся бантиком. Говорили, это сделали по указанию Августа, который всегда настаивал, что именно серебро, зелёный цвет и змейка в банте составляют идеальное сочетание.

Рафаэль ещё какое-то время водил пальцами по изящной вышивке. Столь живое, почти волшебное искусство, должно быть, было родом из таинственных земель, лежащих за морем, — с Востока.

Он завёл с камердинером неспешную беседу, но взгляд его неотрывно был прикован к портьерам.

— Уже поздно, — сказал Рафаэль. — Пора бы и отдохнуть.

<http://bllate.org/book/15929/1423830>